

УДК 94 (569.4)

Морозов В.М., кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Литвинова Е.В., аспирант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ: ИЗРАИЛЬСКИЙ ОПЫТ

В статье рассматриваются особенности борьбы с терроризмом в Израиле, в том числе права и обязанности военных, спецслужб и заключенных. Кроме того, анализируются подходы Израиля к понятию терроризма, террористического акта и террористической организации, механизмы определения государственными органами власти наличия или отсутствия террористической угрозы. В этом контексте автор анализирует общие для всех стран вызовы для борьбы с терроризмом и те практические меры, которые запущены израильским Законом «О борьбе с терроризмом» 2016 года. В качестве наиболее устойчивых элементов борьбы с терроризмом в Израиле отмечается экстерриториальность израильского правосудия, включение борьбы с терроризмом в понятие национальной обороны, квазисудебные методы определения наказаний подозреваемым в терроризме.

Ключевые слова: Израиль, борьба с терроризмом, терроризм, экстерриториальность.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-117-123

Террористическая угроза в условиях современного общества становится все более актуальной и все менее предсказуемой. Одно время казалось, что международные усилия по борьбе с терроризмом дают плоды, как и точечная работа спецслужб по сбору информации и устранению лидеров террористических организаций и ячеек. По имеющимся данным, в 2012 году общее число террористических атак достигло минимального значения в новом тысячелетии – почти 6800 случаев. Но уже в 2014 году количество террористических атак удвоилось, пробив планку в 13463 зарегистрированных случая [17]. Увеличилось и количество убитых: 11,1 тысяч человек (2012) против 32,7 тысяч (2014) [16]. Хотя постепенно число терактов и убитых в их результате сокращается, пока ситуация такова, что при меньшем количестве терактов стало гибнуть больше людей, то есть терроризм стал в большей степени ориентированным не на запугивание обществ и выдвижение неких требований по отношению к отдельным гражданам и государственным структурам, а на осуществление насильственных акций (часто на совершенно немотивированной основе).

Причин такого положения можно выделить несколько. Во-первых, с всей очевидностью можно констатировать, что провалились попытки государств сдерживать терроризм через контроль личной жизни граждан и стремление государственных органов раз-

личными способами формировать неконфликтный тип поведения граждан (так называемая превенция терроризма) [10; 13]. Во-вторых, государства оказались неспособными прийти к холистическому пониманию феномена терроризма, воспринимали его как обычную практику уголовных преступлений [5; 12]. Между тем, холистическое понимание общественных феноменов становится все более важной задачей для органов власти, гражданских структур, научного сообщества, поскольку позволяет замедлить и сузить сферу действия негативных проявлений социального и технологического прогресса [1; 2]. В-третьих, было допущено большое число политических ошибок. В частности, некоторыми странами идеалистически были истолкованы события «Арабской весны», которые, несомненно, стали дополнительным фактором дестабилизации в регионе [6].

В-четвертых, государства оказались не в состоянии признать существенное различие между политическим насилием как таковым (например, в форме экстремизма) и терроризмом как гибридной формой социально-политической мобилизации. Проще говоря, государства пытались бороться с терроризмом привычными методами – так же, как до этого боролись с диссидентами, оппозиционерами, сепаратистами и различными партизанскими движениями. В ходу были жесткие меры, суровые наказания, но не попытки выбить у террористов само основание для запу-

гивания обществ – например, попытки повысить уровень социально-экономического развития, устранить наиболее кричащие проявления бедности [3; 7].

Все это в особенности затрагивает Израиль, который в силу своего географического положения постоянно сталкивается с вызовами и угрозами в сфере безопасности. За недолгую историю государства основную тяжесть борьбы с терроризмом взяли на себя военные, которые имели право административного ареста, депортации и осуществления правосудия в отношении подозреваемых в терроризме. Примечательно, что Израиль использовал арсенал антитеррористических инструментов (включая соответствующие нормативно-правовые акты) не только против палестинских организаций вроде ХАМАС и ООП, но и против экстремистов-иудеев, которые, например, отстаивали радикальную точку зрения в отношении арабского населения в Палестине. Интересно, что исполнительные органы власти Израиля имели право принимать решения по насущным проблемам борьбы с терроризмом, хотя, в целом, существовал консенсус, что антитеррористическая борьба должна регулироваться, в первую очередь, законами, а не актами исполнительной власти.

Существенным элементом того, как понималась борьба с терроризмом в Израиле, является отношение к понятию превентивных мер в отношении терроризма. В мировой практике речь идет обычно не только об агентурной работе и оперативной разработке наиболее опасных радикально настроенных индивидов, но и о мерах образовательного, социально-культурного характера, которые призваны снизить общую напряженность в обществе и сформировать культуру нетерпимости в отношении терроризма [4; 14]. Из норм британской подмандатной территории Израиль позаимствовал практику предварительных арестов, когда подозреваемые заключаются под стражу до совершения общественно опасного деяния, то есть до совершения теракта. Принципиально эта норма не отменена, хотя Верховный Суд Израиля занял активную позицию в вопросе соблюдения прав задержанных. В результате, задержанные вправе требовать рассмотрения своего дела судом, а сторона обвинения обязана

представить суду фактические основания, которые были использованы для принятия решения о заключении под стражу.

Уникальность положения Израиля в вопросах применения норм антитеррористического заключалась в том, что большинство террористических атак совершается лицами, постоянно проживающими вне территории Израиля. Это не только территории, занятые израильтянами в результате Шестидневной войны 1967 года (Западный берег р. Иордан), но и палестинские территории, более-менее официально управляемые Тель-Авивом. Наконец, террористы нередко пребывают из регионов и населенных пунктов, контролируемых террористическими или радикальными организациями (например, «Хезболла» в южном Ливане) – своеобразными террористическими «диаспорами» [8]. С точки зрения международного права, к таким случаям скорее должны применяться нормы об обязанностях оккупирующей стороны, а не внутриизраильское законодательство. Израиль не распространял свое законодательство на территории такого рода, но израильские военные были наделены правом применять определенные меры по защите безопасности страны и ее граждан [9]. Более того, израильские суды не отказывают рассматривать претензии к действиям военных, исходя из того, что необходим контроль за деятельностью органов власти, в том числе военных. Интересно, что Верховный Суд Израиля, в соответствии с этой логикой, разрешил военным осуществлять принудительное переселение подозреваемых на новое место жительства, но запретил привлекать местных жителей на спорных и неизраильских территориях для переговоров с террористами.

Долгое время в Израиле отсутствовал специальный закон, регулирующий вопросы противодействия пропагандистской и вербовочной деятельности террористических организаций. Соответствующие положения содержались в нескольких нормативно-правовых актах. При этом, израильское законодательство не выделяло международный характер таких организаций, рассматривая их относительно территориальной принадлежности. В этом Израиль наследовал британской системе права, в которой спорные вопросы относились, в первую очередь, к сфере

ведения парламента (Кнессета). Однако постепенно Израиль стал дрейфовать к континентальной правовой системе, которая подразумевает кодификацию имеющихся норм и наличие юридического надзора за их исполнением. Рубежной датой принято считать 1992 год, когда было принято два закона, касающихся режима обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Наконец, 16 июня 2016 г. на заседании Кнессета в третьем чтении был утвержден закон «О борьбе с терроризмом», который вступил в силу 1 ноября 2016 г. Закон был инициирован в Кнессете прошлого созыва занимавшей в ту пору пост министра юстиции Ц.Ливни. В нынешнем правительстве его продвижением занималась министр юстиции А.Шакед.

Принятию этого закона предшествовала долгая подготовка. В апреле 2010 г. министерство юстиции Израиля обнародовало меморандум по борьбе с терроризмом, в котором содержались ключевые принципы предлагаемого законодательства в области борьбы с терроризмом. В 2011 г. израильское правительство выдвинуло на рассмотрение Кнессета законопроект по борьбе с терроризмом, в пояснительной записке к которому были определены цели будущего закона, а именно предоставить руководству Израиля в уголовном и гражданском судах средства противодействия террористической угрозе.

Помимо очевидного усиления полномочий исполнительной власти, которая постепенно ограничивалась судебной практикой, нормативно-правовыми актами ведомств и локальных органов управления, целью законопроекта состояла во внесении ясности в ряд принципиальных вопросов. Долгое время трудности в противодействии терроризму объяснялись тем, что не существовало точных определений для: лиц, совершивших террористическое преступление; тех организаций, которые следует относить к террористическим; преступлений, которые следует расценивать, как теракты.

Определение «террористической организации» давал Ордонанс о противодействии терроризму (Prevention of Terrorism Ordinance No. 33 5708-1948), статья 1 которого гласит «под террористической организацией понимается группа лиц, прибегающих к актам

насилия в своей деятельности, направленных на причинение смерти и нанесения вреда здоровью человека или к угрозам совершения таких актов» [11]. Под членом организации понималось лицо, принадлежащее к террористической организации, а также лицо, участвующее в ее деятельности, осуществлявшее пропаганду террористической организации и ее деятельности и ее целей, а также осуществляющее сбор денежных средств либо иных средств террористической организации или ее деятельности. Кроме этого, в израильском праве существует понятие «незаконное объединение», которое имеет более широкое значение, чем террористическая организация. Это понятие установлено Правилами о чрезвычайном (военном) положении 1945 г. (The Defense (Emergency) Regulations) (*Режим чрезвычайного положения действует с момента провозглашения независимости Государства Израиль по настоящее время*). Среди прочего, понятие незаконного объединения детализировано в статье 145 Уголовного закона (Penal Law) от 1977 г.

Таким образом, становится ясно, что единого закона, где прописывались бы точные формулировки, единства в трактовке норм не было нигде. Следует отметить, что продвижение и принятие нового Закона способствовали участвовавшие нападения на израильтян в сентябре 2015 г., тогда же министр юстиции А.Шакед представила проект данного Закона на рассмотрение Кнессета в первом чтении.

При составлении Закона использовались следующие законодательные акты: приказ о предотвращении терроризма от 1948 г., закон о запрете финансирования террористической деятельности от 2005 г., закон об уголовно-судебном порядке при аресте подозреваемых в преступлениях против безопасности Израиля (в случае чрезвычайной ситуации) от 2006 г., Правила о чрезвычайном (военном) положении от 1945 г., закон о гражданстве от 1952 г., закон о помещении Кнессета и его охране от 1968 г., закон о возмещении пострадавшим от враждебных действий от 1970 г., указ о тюрьмах от 1971 г. (новая версия), закон о наказаниях от 1977 г., закон об уголовном учете от 1981 г., закон о судах (редактированная версия) от 1984 г., закон о

национальном страховании (редактированная версия) от 1995 г., закон об общественной защите от 1995 г., закон о порядке уголовного суда (полномочия по надзору за арестами) от 1996 г., закон о запрете создания памятников в честь террористов от 1998 г., закон о судебной помощи между государствами от 1998 г., закон о свободе информации от 1998 г., закон о запрещении отмывания капитала от 2000 г., закон о судах по административным делам от 2000 г., закон о противодействии организованной преступности от 2003 г. и др. (*Применяется не только к организациям, преследующим экономическую выгоду, но и к организациям, действующим на идеологической основе, таким как террористические организации, при условии, что они являются организованными, систематически и продолжительное время действующими.*)

Цель закона – «назначить в области уголовного и административного судов указания, включая особые полномочия по надзору в связи с необходимостью противодействия террористической деятельности, а именно: предотвращение создания террористических организаций и осуществления ими террористической деятельности, недопущение и предотвращение терактов, осуществляемых террористическими организациями или отдельными лицами» [15].

Среди прочего, Закон предусматривает расширение полномочий израильских властей в борьбе с террористическими организациями и т.н. «индивидуальным террором». Расширяет рамки интерпретации террористической деятельности, регулируемой ранее в соответствии с Ордонансом о противодействии терроризму. Согласно п.2 раздела «алеф» Закона, под определением «террористическая организация» подразумевается: 1) объединение, действующее на постоянной основе с целью осуществления терактов. 2) объединение людей, действующее на постоянной основе для оказания помощи террористической организации; 3) организация, объявленная террористической за пределами территории Израиля.

Под «террористической организацией» может пониматься фракция, филиал, подразделение или объединение, которые находятся в подчинении террористической организации, даже если имеют отличное от нее название

[15]. Таким образом, по новому закону о борьбе с терроризмом: если, например, палестинская организация по сбору средств и пожертвований окажется связана с ХАМАС, то можно будет определить и эту организацию как террористическую, и активиста такой организации следует привлекать к ответственности.

Под «терроризмом» понимаются действия, являющиеся преступлением или угрозой его совершения, которые осуществляются по государственному, религиозному, националистическому или идеологическому мотивам; с целью вызвать страх или испуг в обществе, либо оказать давление на правительство или другие государственные органы для совершения ими тех или иных действий. Впервые Закон квалифицирует как «теракт» враждебные действия, как против гражданского населения, так и против военнослужащих израильской армии [15].

В соответствии с общемировой тенденцией на прозрачность принятия решений в отношении признания той или иной организации террористической, а того или иного лица террористов, закон детально прописывает процедурные вопросы. В частности, для признания организации террористической необходимо представлений глав одной из спецслужб и одобрение генерального прокурора. Окончательное решение в этом отношении принимается министром обороны. Однако вводится также понятие временного признания террористической организации, когда министр обороны принимает решение без одобрения генерального прокурора. Формально организациям, признанным террористическими, дано право оспорить решение министра обороны перед консультативным советом, которые проводит слушания и направляет рекомендации министру обороны. Консультативный совет знакомится со всеми данными, на основании которых организация признана террористической, и может предоставить такой организации краткую справку с обоснованием обвинения.

Кроме того, террористическими организациями в автоматическом порядке признаются разные ответвления организаций, которые уже признаны террористическими. Более того, согласно закону, министр обороны вправе объявить своим указом объединение террористическим, если убежден, что

его деятельность соответствует определению «террористической организации», установленному данным законом [15].

Вместе с тем, в принятом законе выделяют некоторые недостатки, связанные с неточными или размытыми формулировками в ряде положений. Прежде всего, речь идет о фактическом включении в понятие терроризма разного рода публичных высказываний, которые могут включать в себя призыв к совершению теракта или просто его одобрительную характеристику. Это было сделано не напрямую, а через включение в понятие террористической организации лиц, которые публично высказывают по вопросам совершения терактов или деятельности уже установленных террористических организаций. Получается, что террористические организации понятийно шире тех, кто вовлечен непосредственно в подготовку и проведение терактов. Существуют определенные опасения с точки зрения соблюдения свободы слова, поскольку даже косвенная поддержка отдельных действий террористов может быть истолкована как преступление.

Кроме того, принятый закон четко подразумевает экстерриториальность израильского правосудия, что ранее не признавалось Тель-Авивом (во всяком случае, открыто). Если ранее террористам из других государств нередко придавался статус военнопленных или лиц, предназначенных для обмена, то за-

кон фактически уравнивал все эти правовые категории. Это вызывает определенные возражения со стороны тех, кто настаивает на более строгом исполнении международного права, которое все-таки предлагает государствам договариваться об экстерриториальности в отдельных вопросах, а не устанавливать ее в одностороннем порядке.

Наконец, еще одно положение, которое вызывает критику, – это распространение террористического законодательства на киберпространство, то есть фактически включение большинства правонарушений в информационной сфере в понятие терроризма через определение терроризма как причинения не только гражданам и государству, но и национальной экономики и критически важной инфраструктуре.

Таким образом, специфическими чертами израильского опыта борьбы с терроризмом можно назвать закрепление принципа экстерриториальности в вопросах наказания, расширительное толкование терроризма и террористических организаций, а также передача функций борьбы с терроризмом и принятия решений по проведению превентивных и специальных акций в ведение министерства обороны. В то же время, в Израиле пытаются совместить жесткую линию в отношении террористов с формированием и соблюдением определенных процедур, которые обеспечат минимальную защиту прав человека.

Список литературы

1. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. "Квантовая" теория принятия решений в политической науке // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 22-32.
2. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Фененко А.В., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И. Зачем нужна «квантовая» реформа конструктивизма в теории международных отношений? // Вестник МГИМО (Университета). 2016. № 6 (51). С. 7-13.
3. Водолазов Г.Г. Реальный гуманизм как идеология современности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. № 13. С. 9-28.
4. Галченко С.С. Понятие терроризма в уголовном праве Англии, США и стран континентальной Европы // Общество и право. 2013. № 1 (43). С. 122-124.
5. Ефремов А.Е. Этапы развития законодательства США по борьбе с терроризмом после 11 сентября 2001 года // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64). С. 88-94.
6. Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Личность президента как фактор формирования внешнеполитической повестки дня США (некоторые итоги президентства Б. Обамы) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 125-135.
7. Коктыш К.Е. Когнитивные интеграторы: опыт моделирования социальной динамики // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4. С. 255-260.
8. Лошкарёв И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и

межнациональная культура. 2017. № 4 (106). С. 70-78.

9. Морозов В.М. Израиль и средиземноморская безопасность // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 30. С. 91-97.

10. Ордонанс о противодействии терроризму. МИД Израиля. Режим доступа - <http://www.mfa.gov.il/mfa/mfa-archive/1900-1949/pages/prevention%20of%20terrorism%20ordinance%20no%2033%20of%205708-19.aspx>

11. Пареньков Д.А. Сохраняй и властвуй: консерватизм в XXII веке // Мир через 100 лет сборник статей. Москва, 2016. С. 53-58.

12. Сафонов А.А., Григорьев А.С. Сравнительный анализ закона о борьбе с терроризмом России и Великобритании // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 117-1. С. 263-264.

13. Харкевич М.В., Касаткин П.И. Биополитика и религия в эпоху постмодерна // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 6. С. 217-222.

14. Шевченко Н.В. Политика Франции по предотвращению терроризма: анализ основных положений закона от 21 июля 2016 г. № 2016-987 // Вестник РМАТ. 2017. № 1. С. 13-15.

15. Israel's New Counterterrorism Law. URL: <https://www.lawfareblog.com/israels-new-counterterrorism-law>

16. Number of casualties due to terrorism worldwide between 2006 and 2016. URL: <https://www.statista.com/statistics/202871/number-of-fatalities-by-terrorist-attacks-worldwide/>

17. Number of terrorist attacks worldwide between 2006 and 2016. URL: <https://www-statista.com/statistics/202864/number-of-terrorist-attacks-worldwide/>

STRUGGLE AGAINST TERRORISM: ISRAELI EXPERIENCE

The article examines the specifics of the fight against terrorism in Israel, including the rights and duties of the military, intelligence and prisoners. In addition, the author explores Israel's approaches to the notion of terrorism, a terrorist act and a terrorist organization, state's mechanisms for determining whether or not a terrorist threat exists. In this context, the author analyzes the common challenges for all countries to combat terrorism and the practical measures launched by the Israeli Law on Combating Terrorism in 2016. The most robust elements of the fight against terrorism in Israel are the extraterritoriality of Israeli justice, the inclusion of the fight against terrorism into the notion of national defense, quasi-judicial methods for determining punishments by terror suspects.

Keywords: Israel, fight against terrorism, terrorism, extraterritoriality.

References

1. Alekseeva T.A., Mineev A.P., Loshkarjov I.D. (2017). "Kvantovaja" teorija prinjatija reshenij v politicheskoj nauke [Quantum-like theory of decision-making in political science]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. 4, 22-32.

2. Alekseeva T.A., Mineev A.P., Fenenko A.V., Loshkarjov I.D., Anan'ev B.I. (2016). Zachem nuzhna «kvantovaja» reforma konstruktivizma v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij? [Why do we need quantum reform of IR theory]. *Vestnik MGIMO (Universiteta) [MGIMO Review of International Relations]*. 6 (51), 7-13.

3. Vodolazov G.G. (2015). Real'nyj gumanizm kak ideologija sovremennosti [Real humanism as the modern ideology]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Herald of Russian state humanitarian university]*. 13, 9-28.

4. Galchenko S.S. (2013). Ponjatie terrorizma v ugolovnom prave Anglii, SShA i stran kontinental'noj Evropy [The notion of terrorism in criminal law of Britain, USA and the continental Europe]. *Obshhestvo i pravo [Society and law]*. 1 (43), 122-124.

5. Efremov A.E. (2017). Jetapy razvitija zakonodatel'stva ssha po bor'be s terrorizmom posle 11 sentjabrja 2001 goda [Stages of development counterterrorist laws after 9/11]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija [Journal of foreign law and comparative legal studies]*. 3 (64), 88-94.

6. Kasatkin P.I., Ivkina N.V. (2017). Lichnost' prezidenta kak faktor formirovanija vneshnepoliticheskoj povestki dnja SShA (nekotorye itogi prezidentstva B. Obamy) [President's personality as a factor in US foreign policy agenda formation: some outcomes of Obama presidency]. *Polis*.

Politicheskie issledovanija. 1, 125-135.

7. Koktysh K.E. (2010). Kognitivnye integratory: opyt modelirovanija social'noj dinamiki [Cognitive integrators: modeling social dynamics]. *Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*. 4, 255-260.

8. Loshkariov I.D. (2017). Jevoljucija ponjatija «diaspora» v politicheskoj nauke [Evolution of “diaspora” notion in political science]. *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura [Ethnosocium and intranational culture]*. 4 (106), 70-78.

9. Morozov V.M. (2012). Izrail' i sredizemnomorskaja bezopasnost' [Israel and the Medeterranean security]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends]*. 10 (30), 91-97.

10. Ordonans o protivodejstvii terrorizmu. MID Izrailja. URL: <http://www.mfa.gov.il/mfa/mfa-archive/1900-1949/pages/prevention%20of%20terrorism%20ordinance%20no%2033%20of%205708-19.aspx>

11. Paren'kov D.A. (2016). Sohranjaj i vlastvuj: konservatizm v XXII veke [Preserve and rule: conservatism in XXII century]. *Mir cherez 100 let sbornik statej [The world in 100 years]*. Moskva. 53-58.

12. Safonov A.A., Grigor'ev A.S. (2016). Sravnitel'nyj analiz zakona o bor'be s terrorizmom Rossii i Velikobritanii [Comparative analysis of counterterrorist laws in Russia and Great Britain]. *Novaja nauka: Teoreticheskij i prakticheskij vzgljad [New science: theoretical and practical view]*. 117-1, 263-264.

13. Harkevich M.V., Kasatkin P.I. (2011). Biopolitika i religija v jepohu postmoderna // *Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*. 6, 217-222.

14. Shevchenko N.V. (2017). Politika Francii po predotvrashheniju terrorizma: analiz osnovnyh polozhenij zakona ot 21 ijulja 2016 g. № 2016-987 [Policy of France of terrorism prevention: analysis of main features of 2016 law]. *Vestnik RMAT [RMAT Review]*. 1, 13-15.

15. Israel's New Counterterrorism Law. URL: <https://www.lawfareblog.com/israels-new-counterterrorism-law>

16. Number of casualties due to terrorism worldwide between 2006 and 2016. URL: <https://www.statista.com/statistics/202871/number-of-fatalities-by-terrorist-attacks-worldwide/>

17. Number of terrorist attacks worldwide between 2006 and 2016. URL: <https://www-statista.com/statistics/202864/number-of-terrorist-attacks-worldwide/>

Об авторах

Морозов Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: morozov_v_m@mgimo.ru;

Литвинова Елена Владимировна – аспирант кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия).

Morozov Vladimir Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Diplomacy, Moscow State Institute of International Relation (University) MFA RF (Russia), E-mail: morozov_v_m@mgimo.ru;

Litvinova Elena Vladimirovna – post-graduate student at the Diplomacy Department Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia)